

Малыш и вправду понемногу успокаивался. Он с любопытством разглядывал Цзи Саньмэя, сжимая крошечные кулачки и пытаясь ухватить прядь его волос.

Цзи Саньмэй склонил голову, позволяя ему теревить волосы.

Он тщательно скрывал свою врождённую соблазнительность под кожей благопристойности, соскоблил с костей всю прилипшую к ним расчётливость, став мягким и безобидным, словно луч света.

Крошечный ребёнок был тёплым, нежным и душистым, косточки в ручках и ножках казались почти невесомыми. Судя по виду, младенцу не было и месяца, а самому Сюй Таю уже перевалило за сорок. По его словам, это был его первенец, и судя по степени заботы, он не лгал.

Так что же заставляло Призрачную колесницу кружить здесь, не улетая?

Пока Цзи Саньмэй размышлял, Шэнь Фаши тоже размышлял, глядя на его порванную одежду.

В прошлой жизни, когда они были близки, он отчётливо помнил: под левым ребром у Цзи Саньмэя была алая, будто капля крови, родинка.

Цзи Саньмэй, убаюкивая ребёнка, незаметно снял резинку с волос и распущенными прядями прикрыл следы крови и разрывы на спине, даже не подозревая, что в чьей-то внутренней бухгалтерской книге на него только что записали новый, жирный счёт.

Когда ребёнок окончательно успокоился, он с лёгкой неохотой вернул его в руки кормилицы.

...Малыш был похож на Цзи Лючэня в детстве — сходство было примерно на четыре части из десяти, — и этого оказалось достаточно, чтобы в душе Цзи Саньмэя шевельнулась скупая тоска по дому.

Как только вес в руках исчез, напряжённые мышцы плеча сократились и дёрнулись. Но, судя по спокойной реакции Цзи Саньмэя, колотая рана глубиной в два цуня не заслуживала того, чтобы из-за неё менять выражение лица.

Ребёнок перестал плакать, и Сюй Тай наконец смог с облегчением вытереть пот. Он принялся благодарить и повёл Цзи Саньмэя с Шэнь Фаши осматривать усадьбу, чтобы те оценили обстановку.

Место это было удачным: спереди тянулась река Ишуй, сзади вставали горы Ишань. Дом опирался на мужское начало, чтобы сдержать женское, и в целом фэншуй здесь был превосходным. Расстановка в комнатах тоже не вызвала нареканий: не было ни балок, давящих на голову, ни зеркал у изголовья кровати. Все правила фэншуй были соблюдены безукоризненно, без единой ошибки.

— Господин Сюй разбирается в фэншуйе? — спросил Шэнь Фаши.

Сюй Тай был полным и легко потел. За короткое время платок в его руке уже стал влажным и липким. Услышав вопрос, он выдавил из протоков обильного пота жалкую улыбку:

— Да где уж мне разбираться. Когда только строил усадьбу, пригласил Мастера Луна для осмотра. Всё это — результат его указаний.

— Мастер Лун — это тот местный ловец демонов? — уточнил Цзи Саньмэй.

— Ловец демонов? Так, только немного знает секреты фэншуя и физиогномики. В такие времена как нынешние приходится беспокоить таких великих мастеров, как вы и Шэнь Фаши.

Цзи Саньмэй усмехнулся, с бесстыдным удовольствием приняв эту похвалу, и вместе с Сюй Таем свернул во внутренний двор.

Помолчав и взглядевшись вдаль, он указал пальцем:

— Чей это двор?

Цзи Саньмэй указал на пышную бамбуковую рощу. Бамбук рос по ту сторону стены, отделявшей усадьбу Сюй, в пределах владений той самой средней лет женщины. Однако эта роща выглядела странно. По зелёному цвету и изящному виду она не уступала обычному бамбуку, но на верхушках каждого стебля были привязаны белые платки. Они безмолвно и покорно висели на кончиках, дожидаясь лишь ветра, чтобы превратиться в маленькие знамёна для зазывания душ.

Сюй Тай взглянул в ту сторону и невольно вздохнул:

— Учитель Саньмэй обладает зорким взглядом. Соседи — семья Ло. Три года назад, когда я переехал, господин Ло был богатейшим человеком, владел сотней му хорошей земли, несколькими десятками слуг, да ещё четырьмя-пятью ломбардами в городе Ичжоу. К тому же господин Ло был кроткого нрава, и для меня большая честь быть его соседом. Увы, господин Ло рано скончался, а взятая им в жёны госпожа оказалась строптивой и сильно верила в духов. После кончины господина Ло она и посадила в своём дворе эту бамбуковую рощу.

«Взятая в жёны госпожа», должно быть, и была той самой женщиной, что с ведром в руках мчалась сводить счёты с Цзи Саньмэем. По крайней мере, в части «строптивного нрава» она не обманула ожиданий. К тому же, все украшения на ней были дорогими, да и жила она по соседству с усадьбой Сюй — понятно, что семья была зажиточной.

— Мастер Шэнь, учитель Саньмэй, я знаю, что рассуждать о фэншуне перед вами — всё равно что учить рыбу плавать. Но я по крайней мере знаю, что сажать бамбук во дворе, где живут люди, — не к добру. Бамбук внутри пуст, словно бесхозная соломенная кукла, и легко привлекает злых духов. Более того, и в даосских, и в буддийских практиках есть прецеденты использования бамбука для изготовления знамён, зазывающих души...

Шэнь Фаши кивнул. Слова Сюй Тая не содержали ошибок.

— Я пытался поговорить с госпожой Ло, но у неё... в доме есть душевнобольная. Она настаивает на том, чтобы с помощью бамбука вернуть рассеявшуюся душу её сестре. Я счёл, что это человеческое чувство, и больше не вмешивался, лишь наклеил защитные жёлтые амулеты на ту стену, что выходит к бамбуку.

— Господин Сюй обладает великодушием, — сдержанно похвалил Цзи Саньмэй.

Когда Сюй Тай улыбался, его глаз почти не было видно, что придавало ему простодушно-неловкий вид:

— Учитель слишком добр. Стыдно, стыдно.

Обойдя усадьбу и выяснив обстановку, Сюй Тай велел старому управляющему устроить мастеров. Тот с готовностью согласился и весьма услужливо проводил их в главный зал одного из боковых дворов:

— Два мастера могут пока отдохнуть здесь, а я пойду приберу комнаты.

— Старый господин... — начал Цзи Саньмэй.

Управляющему было за шестьдесят, и его голова была подобна цветущей белой груше:

— Зовите меня старина Чжу.

Цзи Саньмэй послушно согласился:

— Дедушка Чжу, а в семье Сюй сейчас только вы и остались?

Старик Чжу вздохнул:

— Именно так. С тех пор как появилось то чудище, служанки и слуги из дома Сюй разбежались кто куда. Остались только я, старик, да кормилица, что присматривает за господином. Все хлопоты легли на мои плечи, стариковские, вот я и мечусь, не успеваю, потому и принял почтенных гостей с опозданием.

Услышав это, Шэнь Фаши поднялся:

— Почтенный Чжу, идите по своим делам. Мы с ним здесь сами приберёмся.

Старик Чжу испугался:

— Как можно! Нельзя! Я...

Цзи Саньмэй, развалившись на табурете и беззаботно болтая ногами, сказал:

— Дедушка Чжу, разве вы не говорили, что вам ещё счета проверять? Идите спокойно, мой учитель на всё способен.

Старик Чжу выглядел сожалеющим:

— Виноват, виноват, старый язык без костей, вечно ноет о пустяках.

Хотя он так говорил, Цзи Саньмэй всё же своим медовым языком уговорил старика Чжу уйти.

Цзи Саньмэй обладал костяком, будто бы не ведающим мирской суеты, но при этом изведал все положенные мирские радости. Подготовка, уборка — во всём он был искусен. Закатав рукава, он собрался было за работу, но Шэнь Фаши молча подхватил его, взвалил на плечо и водрузил обратно на стул:

— Сиди смирно. Не двигай плечом. Сиди в медитации и читай сутры.

Цзи Саньмэй тоже не из тех, кто любит терять лицо. Раз уж другой оказывает ему почтение, он не станет отказываться. Тут же отбросив помыслы труженика, он уселся на стул недвижно, словно гора Тайшань, в полном соответствии со своей ценой в пять тысяч лянов.

А Шэнь Фаши, чья цена составляла три тысячи лянов, сознательно разыскал метлу и тряпку и

принялся тщательно выметать пыль из этого заброшенного флигеля. Мелкие пылинки весело кружились в воздухе, словно ожившие бескрылые мухи, бестолково и натываясь друг на друга, в ожидании того момента, когда на них плеснут ковшом воды и отправят осесть окончательно.

Флигель, где они остановились, находился очень близко к той самой стене, за которой шумела бамбуковая роща семьи Ло с её знамёнами-платками. Стало быть, господин Сюй тоже не слишком доверял этой стене, даже считал её слабым местом во всей усадьбе, потому и разместил их всех здесь.

Цзи Саньмэй смотрел на белые платки в бамбуковой роще и думал: зачем восемь лет назад он проделал долгий путь с Чжуинь сюда? Если верить словам той госпожи Ло, как это он умудрился «увести душу» её сестры?

Пока Цзи Саньмэй и Шэнь Фаши занимались каждый своим делом, Ван Чуаньдэн и Чанъань находились в одной из комиссионных лавок города Ичжоу.

Одежда Цзи Саньмэя была порвана и запачкана кровью, сшить новую было бы непросто, поэтому они обошли полгорода, прежде чем нашли эту маленькую лавку по продаже готовой одежды. Чанъань с воодушевлением поднял детский наряд:

— Господин Дэн, смотри!

Ван Чуаньдэн стоял к нему спиной и даже не обернулся:

— Если она зелёного цвета — положи на место. Не надо.

Чанъань молча опустил маленькую шелковую курточку цвета попугая и маленькую шапочку-тыковку.

<http://bllate.org/book/16281/1466153>